

Наш Декамерон

*Моек правда. - 1996. -
20 янв. - с. 5*

Интернациональный барьер давно уже перестал быть камнем преткновения для влюбленных. Сегодня влюбляйся в кого хочешь - в американского бизнесмена, африканского спортсмена, израильского террориста или голландского гомосексуалиста! А раньше в Советской стране на тернистом пути влюбленных вставали твердые как броня коммунистические препоны. Но такие отчаянные смельчаки и борцы со светлым будущим, каким был юный весь насквозь джинсовый и длинноволосый Крис Кельми, ради своей неземной любви к немецкой девушке Соне смел на своем пути все мнимые и подлинные преграды, а прямой и ясной дороге в коммунистический рай предпочел узкую тропу настоящего человеческого чувства.

Интернациональный барьер

«Дело происходило во время летней студенческой практики, - рассказал нам Крис Кельми, - учился я тогда в Институте инженеров транспорта на третьем курсе. На дворе стоял 74-й год. Мы строили тоннель для автомобилей недалеко от города Краснодар. Строить тоннель нам быстро надоело, и мы с другом решили поехать в Сочи, подышать морским воздухом. В Сочи нам понравилось, но захотелось доехать и до Сухуми. Сухуми! Экзотический отдых, кофе по-турецки, красивые девушки... В общем, мы сели на пароход»

Экзотический город встретил нас утренним троллейбусом, где нас начисто обобрали. Деньги, обратные билеты студенческие исчезли в несколько секунд. И мы остались прямо скажем, в не очень дружественной республике бумажно голыми. Пришлось обратиться в милицию. Абхазский милиционер, которому мы объяснили всю ситуацию, закатил нам воспитательную речь: «Слушай, ты, комсомолец, как ты мог так поступать? Работу бросил, уехал, деньги потерял! Как теперь тебя выручать?»

Пока мы все это выслушивали, во двор местного отделения въехал маленький пикапчик «Мерседес», и из него вышли девушки и юноши, громко и смело говорящие на чистом немецком языке, что на абхазского милиционера произвело шоковое впечатление. «По-немецки говоришь, слушай?» - тут же спросил он меня. Я ответил, что говорю по-английски, что для абхазского милиционера было все равно, что сходжение аллаха с небес. Таким образом я стал переводчиком.

Оказалось, что юные немцы тоже стали жертвами местной воровской мафии. У них похитили все талоны на бензин, которые они закупили сразу в огромном количестве, дабы не иметь в дальнейшем проблем с горючим. Немцев было девять человек - четыре мальчика, четыре девочки и пятая одинокая девушка Соня. Между мной и девушкой Соней как-то сразу возникла взаимная симпатия, может, потому что я носил дружественные всей Германии джинсы и длинные белые волосы. И вот эта симпатия стала медленно развиваться в условиях жаркого и влажного черноморского климата.

Все вместе мы уехали ночевать в кемпинг, причем мы с другом спали в палатке, а друзья из Германии в автобусе. Утром я проснулся от негромкого разговора. За стенкой палатки обсуждали: «Слушай, я весь автобус проверил, русских нигде нет!». Я понял, что нами заинтересовались, ибо мы вступили в неформальную связь с иностранцами.

Днем мы снова приехали в милицию «доработаться», но тут уж нам устроили «разнос» - «Как могли советские комсомольцы-студенты уехать с иностранной молодежью?». В конце концов немцы, устав от бесконечных разбирательств с абхазской милицией и так ничего не выяснив о своих талонах на бензин уехали. Мы тоже решили спасаться бегством - сели вместе с ними в их пикапчик.

На границе под Адлером нас опять остановила милиция, и уже другие абхазские милиционеры, заглянув в автобус, спросили: «Русские с вами едут?» и посмотрели прямо на нас с другом. Я понял, что уже вся Абхазия узнала о нашей «преступной связи» с иностранцами и выпалил: «Дас ис фантастиш, натюрлих, аппетитлих!» «Все немцы!» - успокоился сразу милиционер, - проезжайте!»

Мы замечательно путешествовали по черноморскому побережью - вместе загорали, купались, вместе переодевались в автобусе, вместе спали. Так что по нашей «коммунистической закалке» был нанесен сокрушительный удар. Я дружил с немецкой девушкой Соней, но никак не мог переступить «интернациональный барьер», очевидно, именно в силу его интернациональности, и в конце концов оставил «решительный шаг» на последний вечер. А последний вечер у нас проходил опять же в кемпинге, но уже под Геленджиком. Было куплено множество разных напитков, и все это было нами смешано. И поэтому, когда наступило время «решительного шага», я оказался вовсе не в адекватном столь важной минуте состоянии. Но, поскольку престиж страны терять было нельзя, я предложил девушке Соне пойти искупаться.

... Светила луна, мы с Соней плыли к этой луне куда-то в даль, в бесконечность... И эта бесконечность так меня увлекла, что, когда я очнулся, оказалось, что плыву я один и уже нахожусь довольно далеко от родных берегов. Вернувшись несколько обессиленный от долгого плавания, я сел передохнуть на песок. И тут возле меня вновь оказались два милиционера, но теперь уже русские. И один другому сказал: «Какой пьяный сидит, не похож на иностранца!». В моем сознании тут же пронеслись все последствия этой встречи: «Исключение из комсомола, исключение из института...».

«Молодой человек, вам нехорошо, наверное?» - обратился ко мне один из них. «Ну, ну, ай лайк ту лук он зе стар...» - сказал я им на уже ставшем за эти дни мне действительно родном английском. Милиционеры переглянулись: «Иностранец! Что-то про звезды говорит, на английском!».

А я, вдохновленный еще одной своей победой над милицейской бдительностью, пришел к девушке Соне в автобус, где все и состоялось».